

Диво-дивное

I.

Жила-была в деревне старуха.

А у старухи этой был сын Иван.

Иван в поле работал: пахал, сеял, молотил и прочее; дрова возил и на охоту ходил.

Всего у них довольно было.

Вот раз пошел Иван на охоту и собак гончих с собой прихватил.

Долго ходил он по лесу, ничего не встречая, но, наконец, нанюхали собаки заячий след.

Погнались собаки за зайцем, а Иван выбрал местечко, спрятался за деревом и стал ожидать, пока собаки на него зайца нагонят.

Гоняли-гоняли собаки зайца и совсем близко его к Ивану подогнали.

Совсем-было Иван прицелился и уже стрелять хотел, да вдруг заяц остановился, повернулся, да прямо, на собак кинулся.

Глядит Иван и глазам своим не верит.

Стали собаки от зайца улепетывать, еле ноги унесли.

Так и ушел заяц.

Пришел Иван домой, по дороге одну куропатку убил.

Пришел и рассказывает матери:

— Ну, старушка, видел сегодня я диво-дивное.

— Что же ты, сынок, видел? — спрашивает мать.

— Гнали наши собаки зайца, а заяц вдруг обернулся, да на собак кинулся. Пошли собаки от него наутек, еле ноги унесли. Сроду ничего подобного не видел. — отвечает Иван.

Выслушала баба сына и говорит:

— Ну, сынок, это еще не особенное диво. Бывает и хуже. Вот живет в соседнем селе мужик Пахом, так тот и взаправду диво-дивное видел.

Интересно было Ивану про диво-дивное узнать.

И решил он к Пахому сходить, про диво-дивное узнать. Вот пришло воскресенье, одел Иван шапку и пошел в соседнее село.

Нашел он Пахома, рассказал ему, какое диво с ним на охоте приключилось и про то, как мать ему на него, Пахома, указала.

— Расскажи мне про диво-дивное, которое ты видел.

Вот и рассказал ему Пахом.

II.

— Ехал я раз по лесу.

Лежу на дровнях и подремываю.

Лошадка рысцой бежит, санки потряхиваются.

Выехал я на поляну, вижу — волк идет.

Идет, зубы скалит, видно, голодный.

Увидал он меня с лошастью, открыл пасть, да как бросится на нас.

Ну, думаю, пропала лошадь. А, может быть, и я.

Подбежал к лошади, а я схватил топор, да как хватил волка по спине, так одним ударом его надвое перерубил.

Думал — сдохнет волк.

Ан, гляжу, обе половинки в разные стороны поскакали.

Да так в лесу и скрылись.

— Вот какое диво-дивное видел я. А только и это не самое дивное диво, — сказал напоследок Пахом. — Вот живет от нас в десяти верстах старик Еремей, так тот почище диво-дивное видел.

Подивился Иван рассказу Пахома.

Поблагодарил он его за рассказ и пошел домой.

А на следующее воскресенье собрался и пошел Еремея искать, чтобы про диво-дивное от него узнать.

Пришел сначала в соседнее село, от него еще десять верст отошел и в деревню пришел.

Отыскал Иван там старого Еремея, стал его про диво-дивное расспрашивать.

Вот стал ему Еремей рассказывать.

III.

— Был у нас в деревне мужик Антон.

А у Антона этого был сын.

Тогда ему было лет пятнадцать в то время.

Да и мне не больше того было. С Антоновым парнем я дружбу водил и в мяч с ним часто играл.

Вот стали мы, ребята, как-то в воскресенье в мяч играть.

Играли-играли.

Мяч Антонову сыну принадлежал.

А около деревни нашей Волга протекала.

В этом месте она с версту шириной была.

Ладно.

Вот Антонов сын размахнулся палкой, да как ударит по мячу!

Так сильно по мячу ударил, что мяч через всю реку перелетел и на другом берегу упал.

Закручинился парнишка.

Вся беда была в том, что в этот день на ту сторону Волги никак перебраться нельзя было.

Моста и в помине не было, вплавь такую ширину никто переплыть не мог, а мирская лодка, на которой мы раньше Волгу, бывало, переезжали, в то утро, словно на зло, о камень разбилась.

Прибежал парень к отцу, стал плакать, стал просить мяч достать.

Пришел Антон к нам и спрашивает:

— А не заметили ли вы место, где мячик упал?

Ну, мы и показали.

— Вот, мол, около того деревца.

Антон и говорит:

— Ладно.

Пошел он к себе во двор, глядим, ведет оттуда быка.

— Ладно, — говорит, — сейчас вам мяч достану.

И погнал быка к берегу.

Ну, мы, конечно, толпой за ним.

Любопытно, как он мяч достанет и зачем он для этого на берег быка гонит.

Подошел Антон к берегу, схватил быка за хвост, обернул хвост вокруг руки, крепко-накрепко закрутил, собрался с силою, да как взмахнет быком, так вместе с ним на другой берег и перелетел.

Нашел он там мяч.

Взял его в карман, опять бычий хвост вокруг руки обмотал, опять быком по воздуху как махнет, так вместе с ним на наш берег и перелетел.

Вот, парень, что действительно было диво-дивное.

Выслушал Иван Еремея, подивился, какие чудеса на белом свете бывают.

А Еремей и говорит:

— Да и это чудо не самое большое диво-дивное. А вот живет от нас в пятидесяти верстах старик Федул, так тот действительно диво-дивное видел.

Поблагодарил Иван Еремея за рассказ.

И пошел было домой.

Да и подумал:

«Домой идти целый день нужно, а из дома до Федула снова три-четыре дня идти, так не лучше ли прямо к Федулу идти. Все на два дня идти меньше».

Не пошел Иван домой, а пошел к Федулу.

Уж больно любопытен был Иван.

Шел он день, шел другой, на третий день к Федулу пришел.

Федул на завалинке сидел и на улицу глядел.

Подошел к нему Иван, поздоровался.

А Федул и спрашивает:

— Откуда и зачем пришел?

Иван и отвечает:

— Так и так, говорят люди добрые, что ты самое диво-дивное видал, так я и пришел попросить, чтобы ты мне про нет рассказал.

Посмотрел на него старик.

— Что же, изволь... Рассказать мне не трудно.

Посадил тут Федул Ивана с собой рядом и стал рассказывать.

IV.

— Была у меня раньше жена.

Теперь она уже умерла, да и я свой век доживаю.

Ну, а тогда мы с ней вместе жили.

И была моя жена такая задорная и злая, что ни в сказке сказать ни пером описать.

Бывало, что ни попросишь, ни за что не исполнит, только все время бранится, да ко всякой мелочи привязывается.

Ну, просто хоть беги вон.

Слова доброго от нее добиться было нельзя.

И была наша жизнь такой ужасной, что, кажется, лучше было бы в каторгу идти.

Думал я, думал, гадал я, гадал, и вздумал и, наконец, жену хорошенько веревкой проучить.

Вот как-то раз начала она меня по обыкновению пилить да точить.

Взял я веревку и говорю:

— Ну, баба, не бил я тебя до сих пор, да больше мне неволю терпеть. И чтобы тебе не повадно было меня больше ругать, решил я тебя как следует веревкой проучить.

Не знал я тогда, что жена со мной сделать может.

Только успел я эти слова сказать, как она схватила палку, ударила меня по спине и говорит:

— Ходил ты до сих пор человеком, а теперь побегай-ка ты черным псом.

В ту же минуту я и превратился в черного пса.

С той поры стал я по двору, да по улице бегать.

Бывало, по целым часам выл у окна или у двора, все думал, что баба моя смилуется и меня опять в человека обратит.

Да не тут-то было.

Баба моя не только сжалиться надо мною не хотела, но каждый раз норовила мне лишь больно сделать.

То камнем в меня пустит, то кипятком меня из окна ошпарит, то палкой ударит.

Да хоть бы кормила меня при этом досыта.

А то, ведь, и кормить-то совсем не кормила.

Сам найдешь какую-нибудь кость, так ладно, а не найдешь, так и ложись спать голодным.

Словом, настала для меня такая мучительная жизнь, что хоть в воду топись или просто сдыхай.

Думал я, думал, так и эдак прикидывал, да и решил, наконец, уйти, куда глаза глядят.

Выбежал я в поле.

Гляжу, а в поле стадо соседней деревни ходит, а стадо-то пастух сторожит.

Вот я и пристал к стаду.

Стал я помогать пастуху то стадо стеречь.

Увидал пастух, как я стараюсь, и накормил меня.

А я и взаправду старался.

Бывало, только отобьется от стада корова или овца, я на отбившуюся брошусь и живо ее пригоню.

С этого дня стал я при пастухе жить, со стадом ходить, а пастух меня за это кормить стал.

Волкам от меня пощады не было.

Целый десяток волков перегрыз я, а те, которые остались, до того напугались, что стадо совсем в покое оставили и даже ближний лес покинули.

Скоро я так научился стадо пасти и оберегать, что не надо было стаду и пастуха.

И без него я со всем стадом управлялся.

Бывало, ляжет пастух и заснет, а я за него все дело делаю.

Ни одного ягненка у меня украсть нельзя было.

Иногда пастух по целым дням в деревне сидел, а я стадо пас.

И за это он так меня полюбил, что всяким куском со мной, бывало, делился.

Вот как-то раз заснул он на поле и что-то долго проспал у дороги.

Я тем временем стадо понемножку к водопою на реку гнал и довольно далеко стадо от пастуха отогнал.

Проснулся пастух, а барин по дороге катит.

Поравнялся барин с пастухом и спрашивает:

— Что же это ты так за стадом смотришь? Или не видишь, что стадо от тебя на полверсты ушло?

А пастух отвечает:

— Это, барин, ничего, при моем стаде есть черный пес, а тот пес лучше пастухов стадо оберегает.

Не поверил барин.

— Что ты мне глупости городишь, — говорит. — Вот хочешь об заклад биться, что я сейчас к стаду подойду и любую корову из него уведу.

Подумал пастух и отвечает:

— Давай об заклад биться. Коли уведешь какую-нибудь корову, так бери мое жалованье за целый год, а коли не уведешь, так заплати мне двести рублей.

Барин согласился.

Вышел он из брички, догнал стадо, подошел к нему и хотел-было корову поймать.

А я как наскочу на него.

Как он ни отбивался от меня, а я ему все ноги изгрыз, да и самого бы искусать, если бы он не убежал.

Нечего делать.

Отдал он пастуху двести рублей и уехал.

А пастух меня с этого дня еще больше полюбил.

Прожил я с пастухом до осени.

И вдруг захотелось мне домой сбегать.

— Может быть, думаю, теперь баба моя смилуется и меня опять в человека превратит.

Оставил я стадо и побежать уже под вечер, когда стадо уже к деревне шло, в свою деревню.

Подбежал я к своей избе и завыл.

Услыхала этот вой моя баба.

Вышла она из избы, огрела меня палкой по спине, да и говорит:

— Ах, ты опять здесь! Ну, хорошо, надоело тебе бегать черным псом, так полетай-ка теперь снегирем.

И превратился я тотчас же в снегиря.

Вспорхнул я, замахать крыльями и взлетел на дерево.

Тут я и птичий язык понимать стал.

Стал я с той поры на деревьях жить, на крышах, по дворам, полям летать, зерна собирать.

Осенью на полях зерен много было.

Жилось сытно.

А вот когда пришла холодная зима, да покрылась земля снегом, тут-то мне пришлось совсем плохо.

Нашего брата, птиц, много, а корма мало.

Иной раз день-деньской летаешь-летаешь, да так к вечеру и не насытишься, так голодным и уснешь на ветке.

Да и холод донимать, мороз иной раз так хватит, что на лету, того гляди, замерзнешь.

Вот летал я, летал, да как-то раз залетел в какое-то село и сел на ветке в садике.

А рядом со мной воробей присел.

Посмотрел я вниз и увидел западню.

А воробей мне и говорит:

— Вот, сынишка колдуна западню для нашего брата поставил.

Я спрашиваю:

— А каков этот колдун? Добрый или злой?

— Колдун добрый, — отвечает воробей.

Вот я и призадумался.

Голоден я в этот день был очень сильно.

За весь день удалось найти каких-нибудь сто зерен, а сто зерен мне обыкновенно и на полдня не хватало.

«А что, — стал думать я, — если мне самому в эту западню нарочно влететь. Зерна там есть.

«А поймают меня, так и кормить будут и в тепле будут держать».

Сказано — сделано.

Слетел я на землю, а потом в западню влетел.

Захлопнулась за мною западня.

Поел я в темноте насыпанные в западне зерна, насытился и стал ждать.

Прошло часа три.

Но вот пришел сын колдуна, Гриша, вынул меня из западни и понес в дом.

Колдуна дома не было.

Прибежал к нему сынишка,

Показал меня и говорит:

— Вот какого я, папа, снегиря сегодня поймал. Я его сейчас в клетку посажу, буду кормить и поить.

Взял меня в руки колдун и стал во все стороны поворачивать, со всех сторон меня осматривать.

Смотрел-смотрел и говорит:

— Нет. Гриша, этого снегиря ты не посадишь в клетку.

— Почему? — спрашивает Гриша.

— А потому, что это не снегирь, а человек.

Тут он дунул на меня, я и стал снова мужиком.

Обрадовался я, стал его благодарить, а потом стал его просить научить меня, как бы мою злую жену наказать.

Дал он мне прутик и говорит:

— Возьми ты этот прутик в правую руку, хлестни им свою жену по правому плечу и скажи: «Ходила ты до сих пор бабой, а теперь побегай ослицей».

Поблагодарил я его, взял в правую руку прутик, запомнил деревню, в которой колдун жил, расспросил про дорогу до дому и пошел домой.

Шел-шел и пришел.

Пришел и спрятался за свой овин.

Вот дождался я вечера.

Гляжу, а моя жена из избы выходит, чтобы на поседки идти.

Вышел я из-за овина, подкрался к ней тихонько сзади, ударил ее прутиком по правому плечу.

— Ну, жена, ходила ты до сих пор бабой, а теперь побегай ослицей.

В ту же минуту моя жена в ослицу и превратилась.

Взял я палку и выгнал вон со двора.

Потом передумал, побежал за нею, догнал, надел ей недоуздок и привязал ее в сарае.

С той поры стал я ее кормить гнилой соломой и кули на ее спине возить.

Проработал я на ней целых два года.

Мог бы я на ней и всю жизнь работать, да только жаль мне стало, наконец, свою бабу.

Подумал я, подумал и пошел опять к колдуну, который меня выручил.

Пришел и говорю:

— Не хочу больше бабу свою мучить. Сделай милость, научи, как мне ее снова в человека превратить.

Колдун и отвечает:

— Дам я тебе другой прутик. Возьми его в левую руку и ударь им ослицу.

Тут он мне дал прутик.

Поблагодарил я его и пошел домой.

Пришел я домой, вошел в сарай, взял прутик в левую руку и ударил им мою ослицу.

И в тот же миг ослица в мою бабу превратилась.

И с той норы моя жена совсем изменилась.

От былой злости и следа не осталось, стала она бабой степенной, ругаться перестала, и прожили мы с нею в мире и согласии до самой ее смерти.

Вот какое со мной диво-дивное приключилось.

А только и это еще не самое большое диво-дивное.

Живет от нас в ста верстах старый Никифор.

Тот, говорят, еще большее диво-дивное на своем веку видывал.

Поблагодарил Иван Федула за рассказ.

И захотелось ему Никифора повидать и от него про диво-дивное услышать.

И про дом он совсем позабыл.

Простился он с Федулом, расспросил про дорогу и пошел Никифора искать.

Шесть дней он шел, по деревням ночевать, пока, наконец, до той деревни не дошел, в которой Никифор старый жил.

И сам устал и сапоги истрепать, пока до Никифора дошел.

Дед Никифор на лугу сидел и белые пряники ел.

Поздоровался с ним Иван, рассказал ему, что раньте слышал и зачем к нему. Никифору, пришел, и стал Никифора просить, чтобы он ему про диво-дивное рассказал.

А Никифор и отвечает:

— Изволь, парень, отчего мне тебе не рассказать.

Да и стал Ивану про диво-дивное рассказывать.

V.

— Молод я тогда еще был.

Помню, незадолго перед этим я женился.

Ну, известно, жили мы, жили, крестьянскую свою работу работали, всякие, значить, там разные дела справляли.

А был у нас на деревне мужик по имени Тит.

Не стар был Тит, да только разумный, да смысленый был очень, что угодно смастерить мог.

А мог он это, сказывают, потому, что слово такое чудесное знал, с которым можно сделать было.

Вот жили мы, жили.

Раз по весне хлеба такие взошли, что мы нарадоваться не могли.

Что время дальше идет, то хлеба лучше становятся.

Стали колосья наливаться, так к земле колосья и гнутся.

Лет, почитай, двадцать деревня такого урожая не видала.

Только как подошло время жать, дожди и пошли.

Льет дождь дни и ночи.

Приуныли мужики.

Ждут день, другой, третий, пятый, думают, что вот-вот дождь перестанет, даст возможность хлеба сжать, просушить и свозить.

Так куда тебе!

Не перестает дождь, хоть ты что хочешь делай. да и баста, вот-вот погубит весь урожай, оставит нас нищими.

Так затосковали мужики, что места себе не находят, все как тени ходят.

Вышли мужики раз в поле, стоят под дождем, вздыхают.

Глядь — вдруг идет Тит.

А за ним поп с диаконом и псаломщиком.

Отслужили молебен.

Глядим, Тит с колен не встает.

Потом встал, ушел в деревню и стал оттуда решетины таскать.

Глядим мы и дивимся.

Вкопал он в землю решетину, влез до верху и привязать к концу ее другую решетину.

Потом спустился вниз, захватил с собой третью решетину, влез с нею наверх и привязать ее к концу второй решетины.

К концу третьей решетины привязал он четвертую, к концу четвертой — пятую.

И до тех пор он решетины эти надвизывал, пока, наконец, верхняя решетина в самые облака не уперлась.

Потом спустился он вниз.

Принес из деревни метлу, подвесил ее к себе за спину и давай вверх карабкаться.

Глядим мы, рты поразинули.

Вот долез Тит до облаков, встал на них, дошел до края, да как начнет метлой направо да налево махать.

Стал он облака метлой разгонять, словно дворник на улице грязь сметать.

Глядим, дыра в облаках прорвалась.

Сквозь нее солнышко пробилось.

А Тит знай ходит по облакам, да их метлой во все стороны разгоняет.

Все больше и больше дыра в облаках делается.

Весь день до вечера ходил он по облакам и метлой своей облака разгонял.

А к вечеру все небо от облаков очистил, только кое-где белые хлопья небольшие оставил.

Ну-с, ладно.

Спустился он под-вечер вниз.

С той поры, как бывало начнут облака небо заволакивать, так сейчас Тит влезет на облака и разгонит их.

Так все время ведро и поддерживал, пока мужики хлеб собрали и домой свезли.

А мужики за это миром его полосы собрали, высохнуть снопам дали и к нему домой хлеб свезли.

И такой у нас в том году урожай был, какого мы давно не видали.

Самые бедные и те оправились.

Жаль только, что Тит вскоре после этого Богу душу отдал.

Известно, в облаках сырость и мокрота, ну, и простудился человек.

Вот какое диво-дивное видел я.

Окончил свой рассказ Никифор и говорит:

— Да это еще что!.. Есть у меня знакомый мужик Селиван, по прозвищу Мудрец. Сказывают люди, что ждет он со дня на день увидеть при всех самое дивное диво.

Захотелось Ивану самое дивное диво и самому увидеть.

Стал он спрашивать:

— Как к тому Селивану-Мудрецу попасть и какой дорогой к нему идти?

Рассказал ему Никифор все, как следует.

Поблагодарил его Иван и пошел.

От Никифоровой деревни Селиван-Мудрец в двухстах верстах жил.

Старого Селивана найти не трудно тут было.

Знали его и стар и млад.

VI.

Пришел к Селивану-Мудрецу Иван.

Рассказал ему свою историю и стал просить его, чтобы тот ему разрешил на самое дивное диво вместе с ним посмотреть.

А Селиван-Мудрец и отвечает:

— Вот, я уже и увидел только-что самое большое диво-дивное.

Обернулся Иван, стал в разные стороны глядеть, — ничего особенного не видит.

И спрашивает он Селивана:

— Где же ты видишь диво-дивное?

А Селиван-Мудрец ему и отвечает:

— Ты сам и есть то диво-дивное! Ну, что ты дивишь народ? Что ты по белому-свету шатаешься, да сказками себя тешишь? Мужики сейчас все работают, хлеб на зиму припасают, урожай собирают, а ты хозяйство забыл, по свету белому шляешься, рот разиня, сказки слушаешь. Вот уж такого диво-дивного мужика, признаюсь, я до сих пор не видывал.

Только тут вспомнил Иван, что про хозяйство, с дивами-дивными, совсем забыл.

Покраснел он от стыда.

Поблагодарил он Селивана-Мудреца за правду, да и пошел скорее домой

Шел он, шел, наконец, и домой пришел.

Весь ободрался, на нищего стал похож.

Стала его тут мать ругать и бранить за то, что он на ее старые плечи все хозяйство бросил, а сам на три недели с лишним из дому ушел...

Половина зерна в поле осыпалась, только половину и успел собрать.

А немного еще бы проходил, так ничего бы не собрал.

Хорошо, что еще на посев и на зиму хватило.

Весной поздней пришлось телку продать.

Как ни скрывал Иван от мужиков свои похождения, да шила никак в мешке не утаишь.

Узнали про его хождения мужики.

Долго смеялись все над Иваном, как он диво-дивное искал.

И прозвали мужика с тех пор «Иваном диво-дивным».